Китайскій генералъ Галенъ

Рѣдко кто изъ большевиковъ выступаетъ подъ своимъ именемъ. Всѣ они въ своей разрушительной работѣ прикрываются псевдонимами. Такъ повелось съ давнихъ поръ, начиная съ вождя Ленина-Ульянова.

Въ китайскихъ событіяхъ стяжалъ себѣ наибольшую извѣстность международный авантюристъ Грузенбергъ, присвоившій себѣ звучное русское имя Бородина.

Вслѣдъ за Бородинымъ на китайскомъ горизонтѣ заблистала другая звѣзда. Это таинственный генералъ Галенъ, о которомъ раньше никто не слыхалъ.

Генералъ Галенъ появился при кантонской главной квартирѣ совершенно неожиданно въ роли военнаго совѣтника и съ тѣхъ поръ имя его не сходитъ со страницъ газетъ. Въ иллюстраціяхъ англійскихъ журналовъ стройная фигура генерала Галена красуется рядомъ съ Главнокомандующимъ южанъ Чанъ-Кай-Шекомъ.

Кто такой генералъ Галенъ?

Объ этомъ до сихъ поръ никто не зналъ, кромѣ пославшихъ его.

Но обыскъ въ совѣтскомъ посольствѣ въ Пекинѣ расшифровалъ мифическаго генерала.

Въ числѣ бумагъ, захваченныхъ въ посольствѣ, найденъ списокъ московскихъ коммунистовъ, прикомандированныхъ къ Кантонской арміи подъ разными вымышленными именами. Всего въ спискѣ 57 псевдонимовъ, но противъ каждаго псевдонима проставлена его настоящая фамилія или прозвище.

Во главѣ списка стоитъ начальникъ Южно-Китайской группы Галинъ (иностранные корреспонденты передѣлали эту фамилію въ Галенъ и Галленъ, а отъ нихъ перенята то же начертаніе и русскія газеты), подъ именемъ котораго скрывается не кто иной, какъ «полковникъ» Блюхеръ, извѣстный всѣмъ по гражданской войнѣ, особенно на Сибирскомъ фронтѣ.

Дореволюціонное прошлое Блюхера-Галина скрыто дымовой завѣсой, но всѣ его считали нѣмецкимъ офицеромъ, прекрасно знающимъ военное дѣло и хорошо знакомымъ съ устройствомъ русской арміи. По русски онъ говоритъ безъ акцента.

Свою карьеру во время русской гражданской войны Блюхеръ началъ въ январѣ 1918 г., когда во главѣ особаго отряда появился въ оренбургскихъ станицахъ. Здѣсь онъ вошелъ въ связь съ измѣнникомъ оренбургскаго войска, подъесауломъ Николаемъ Каширинымъ, организовавшимъ въ то время отрядъ «трудового казачества» на совѣтской платформѣ.

Въ силу неустойчивости наскоро набранныхъ атаманомъ Дутовымъ станичныхъ дружинъ и малочисленности партизанъ (состоявшихъ, главнымъ образомъ, изъ молодыхъ офицеровъ), Блюхеру и Каширину удалось окружить Атамана въ районѣ г. Верхнеуральска. И только благодаря хитрости и наблюдательности, дерзкому атаману удалось выскочить изъ большевицкаго кольца.

Чтобы дать возможность атаману Дутову съ войсковымъ правительствомъ и обозами раненыхъ и бѣженцевъ уйти въ киргизскія степи, пишущій эти строки выдержалъ рядъ упорныхъ боевъ съ отрядами Блюхера и Каширина; причемъ для оренбургскихъ казаковъ особенно памятнымъ останется бой 10 апрѣля (ст. ст.) подъ поселкомъ Бріенскимъ, когда молодые партизаны «косили» пулеметнымъ огнемъ густыя цѣпи красныхъ полковъ...

Во время стоянки съ отрядомъ въ Оренбургѣ, Блюхеръ выдѣлялся среди провинціальныхъ большевицкихъ комиссаровъ своей отчетливостью, аккуратностью и образомъ жизни. Любилъ хорошо поѣсть и въ мѣру выпить. Его «штабъ» состоялъ большею частью изъ людей хорошихъ русскихъ фамилій, Богъ вѣсть какими судьбами попавшихъ въ Оренбургъ.

Въ тѣсномъ кругу приближенныхъ Блюхеръ не скрывалъ своего презрѣнія къ «товарищамъ» и въ минуту откровенности говорилъ, что «умные люди должны пользоваться коммунистической глупостью».

Родственникамъ офицеровъ, ушедшихъ съ атаманомъ Дутовымъ, Блюхеръ не разъ высказывалъ, что офицерство дѣлаетъ ошибку, вступая въ борьбу съ большевиками. По его мнѣнію, оно должно итти въ красную армію, чтобы взять ее въ свои руки, притомъ онъ ставилъ себя въ примѣръ, называясь полковникомъ и прямымъ потомкомъ прусскаго фельдмаршала Блюхера.

Просматривая донесенія и будучи чѣмъ либо недоволенъ, «полковникъ» Блюхеръ не стѣснялся отпускать словечки, въ родѣ «красная сволочь», «митросня», «мужичье» и т. п..

Когда весною 1918 г. оренбургскіе казаки возстали и взяли Оренбургъ, Блюхеръ, какъ благоразумный и дальновидный человѣкъ, во время ускользнулъ отъ казачьихъ ударовъ. Поплатились головами кое-кто изъ его «свиты»; особенно же пострадали мелкіе руководители «трудового казачества», съ которыми казаки, какъ съ измѣнниками, не стѣснялись.

Впослѣдствіе Блюхеръ командовалъ бригадой, потомъ дивизіей, а въ 1919 г. получилъ армію и былъ на Южномъ фронтѣ. Въ 1921 г. во время борьбы съ Приморскимъ правительствомъ онъ появился на Дальнемъ Востокѣ; и затѣмъ долгое время о немъ ничего не было слышно. Говорятъ, въ это время онъ работалъ въ какихъ то комиссіяхъ въ Москвѣ по организаціи красной арміи.

Но вотъ во главѣ совѣтской военной миссіи, посланной въ Кантонъ сначала для организаціи китайской революціонной арміи, а потомъ для руководства боевыми операціями Юга, былъ поставленъ нѣкій «генералъ» Галенъ, который оказался не кѣмъ инымъ, какъ старымъ знакомымъ — «полковникомъ» Блюхеромъ.

Чѣмъ и когда закончитъ свою карьеру пресловутый «полковникъ» — мы не знаемъ, но въ его лицѣ несомнѣнно приходится имѣть дѣло не съ идейнымъ коммунистомъ, а съ международнымъ авантюристомъ крупной марки, который умѣетъ пользоваться революціями въ своихъ цѣляхъ.

И. Акулининъ.

Положеніе православной церкви въ СССР

Рижское «Слово» приводитъ интересныя выдержки изъ писемъ одного высокаго священнослужителя изъ Совдепіи, за подлинность которыхъ безусловно ручается. Письма относятся къ Б. Пасхѣ по старому стилю.

«...Митрополитъ Сергій Нижегородскій выпущенъ на свободу, хотя изъ Москвы ему еще не позволено выѣхать. Можно предполагать, что освобожденіе его — дѣло рукъ Сормовскихъ рабочихъ, пославшихъ вмѣстѣ съ гражданами Нижняго-Новгорода и окрестныхъ селеній моленіе объ его освобожденіи. Такимъ образомъ, наша Церковь имѣетъ опять главу церкви — фактическаго; юридическій же глава — мѣстоблюститель Петръ, пребываетъ въ Тобольскѣ. И конца его пребыванію тамъ не видно.

«Теперь на монастыри напасти. Мощи преподобнаго Сергія зарыты въ землю — по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ. По прежнимъ сообщеніямъ, они взяты въ музей. Кіево-Печерская лавра отдана обновленцамъ въ 1925 году, а въ 1926 совсѣмъ закрыта. Теперь очередь дошла до Сарова. Еще 19 іюля 1926 г. Саровъ видѣлъ въ себѣ столько богомольцевъ, сколько не видалъ со времени открытія мощей преподобнаго Серафима, а уже въ сентябрѣ начались напасти. Наканунѣ Рождества были арестованы 5 видныхъ іеромонаховъ, потомъ еще трое изъ братіи. Сожжено много книгъ изъ монастырской библіотеки (приблизительно 30 пуд.), разгромлена посуда на Серафимовскомъ Источникѣ, увезены всѣ ковры (около 150 штукъ), взято сколько-то старыхъ монетъ, накопившихся за время революціи отъ богомольцевъ. Игумену поставлено въ вину, что онъ «самодержавно» управлялъ монастыремъ.

Въ февралѣ же 1927 г. началась «демобилизація» монаховъ; одинъ по одному 25 монаховъ наиболѣе молодыхъ получили «приглашеніе» въ мѣстную милицію, гдѣ каждый изъ нихъ далъ подписку: «Я, нижеподписавшійся, оставляю Саровъ и не возвращусь». Нѣкоторые ушли, нѣкоторые привитали въ Саровѣ «жо птицы небесныя». На первой недѣлѣ Великаго поста получили «выставку» казначей и благочинный, на второй недѣлѣ еще партія монаховъ «выразила желаніе» оставить Саровъ и больше въ него не возвращаться. 17 (30) марта 1927 года были закрыты всѣ храмы, кромѣ одного, самаго маленькаго. 22 марта подъѣхали къ собору сани подъ прикрытіемъ человѣкъ 30 конной вооруженной стражи. Святыя мощи преподобнаго были безцеремонно положены въ простой ящикъ и увезены. Предполагаютъ, что въ Москву, въ музей. Деревянный гробъ преподобнаго былъ распиленъ и сожженъ среди монастыря. Тамъ же была сожжена одна чтимая икона. Храмы всѣ до единаго запечатаны и самый монастырь тоже, и мерзость запустѣнія водворилась на мѣстѣ святѣ. Монахи разбрелись куда глаза глядятъ. Многіе привитаютъ около Дивѣева.

Говорятъ, что и Дивѣеву угрожаетъ весной такое же горе.

...Такъ плыветъ церковный россійскій корабль. Плыветъ посреди рифовъ и мелей, отчетливо видя ихъ. Но посреди такого тумана рельефнѣе обнаруживаетъ Христосъ силу Свою и попеченіе Свое объ этой Церкви, спасая ее отъ крушенія во время тумана, разгоняя туманъ и просвѣтляя очи вѣрныхъ...

Люди свѣтскіе, съ высшимъ превосходнѣйшимъ образованіемъ и развитіемъ, стремятся къ священному званію.

...Богъ воздвигаетъ и архипастырей добрыхъ.

...Господь не оставляетъ своими попеченіями и народныя массы. Въ городахъ храмы переполнены молящимися. Деревня отстаетъ отъ города, но во многихъ мѣстахъ и деревенскіе храмы полны народомъ. Какое томленіе испытываетъ простой народъ по разоряемымъ властью святымъ мѣстамъ, показываетъ хотя бы слѣдующая характерная картинка: Идетъ странничекъ богомольничать. Направляется въ Троице-Сергіевскую лавру. Прошелъ уже сотни верстъ. Ему говорятъ: «Лавры больше нѣтъ». — «Ну, такъ я у стѣны помолюсь Преподобному!» А сколько такихъ стѣнъ осталось по необъятной Россіи и сколько странниковъ привлекаютъ онѣ! Еще звучатъ въ ушахъ читавшихъ житіе преподобнаго Серафима слова Преподобнаго при жизни: «Когда меня не будетъ, ходите къ моему гробику. Припадите къ землѣ и какъ живому разскажите все, что у васъ на сердцѣ, и я услышу васъ!»

Эти слова теперь перефразируются, сообразно съ моментомъ, когда гробъ Преподобнаго распиленъ и сожженъ, и мощи отняты. «И остались еще стѣны и приходите къ стѣнамъ. Я и у стѣнъ моей обители услышу васъ и утѣшу васъ!»

„Большіе пузыри"

Получилъ «Звено» и прочелъ слѣдующее:

— Д. Четвериковъ закончилъ новый большой романъ «Заиграй Овражка». Въ ближайшіе дни выходитъ его романъ «Синяя говядина», а сейчасъ онъ работаетъ надъ новымъ романомъ «Любань»

Я прочелъ это и тихо ахнулъ отъ зависти: вѣдь даетъ-же Богъ нѣкоторымъ этакое счастье — сразу три новыхъ романа человѣкъ написалъ и какихъ, вѣроятно, замѣчательныхъ, судя по заглавіямъ, изъ которыхъ одна «Синяя говядина» чего стоитъ! Но ахнулъ я и отъ стыда и горести: разъ мнѣ сообщаютъ: «Четвериковъ закончилъ новый романъ» — то вѣдь изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что я долженъ знать, что именно писалъ Четвериковъ раньше, а я межъ тѣмъ объ этомъ не имѣю даже малѣйшаго понятія!

И еще я прочелъ:

— Н. Баршевъ печатаетъ новую книгу разсказовъ «Большіе пузыри».

— М. Борисоглѣбскій выпустилъ большой романъ «Топь» и книгу разсказовъ «Осколокъ».

— Л. Раковскій выпустилъ новую книгу разсказовъ «Зеленая Америка».

И, прочтя, уже и совсѣмъ палъ духомъ: Баршевъ, Борисоглѣбскій, Раковскій — и ни объ одномъ-то изъ нихъ я доселѣ даже и краемъ уха не слыхивалъ! Да мало того: вѣдь это уже далеко не новая исторія — вотъ уже нѣсколько лѣтъ подрядъ попадаю я въ такое положеніе по четвергамъ и субботамъ каждой недѣли, читая парижскіе газеты и журналы. И думаю, что каждый согласится со мной, что положеніе это истинно дурацкое: Баршевъ написалъ новую книгу о большихъ пузыряхъ, Баршевъ, очевидно, очень извѣстный человѣкъ, разъ мнѣ сообщаютъ о немъ, а я только хлопаю глазами:

— Что за Баршевъ? Что за пузыри? И что именно этимъ пузырямъ предшествовало?

⁂

Дорогой читатель, шутки въ сторону. Не пора ли прекратить это издѣвательство надъ нами? Зачѣмъ насъ съ вами дурачатъ? Ибо увѣряю васъ, что это форменное издѣвательство — чуть не каждый день врываться къ человѣку въ домъ съ извѣстіемъ, что въ Самарѣ родила Марья Ивановна, а въ Вологдѣ женился Петръ Ивановичъ, когда человѣкъ отроду не слыхивалъ ни объ этой Марьѣ Ивановнѣ, ни объ этомъ Петрѣ Ивановичѣ и не придаетъ и не можетъ придавать ровно никакого значенія всяческимъ слухамъ и вѣстямъ о нихъ. Издѣвательство это еще и потому, что каждый разъ тотчасъ же послѣ сообщенія о «Синей говядинѣ» Четверикова и о «Большихъ пузыряхъ» Баршева читаю я сообщеніе, что выпустилъ новую книгу Поль Валери, что найдены новыя письма или стихи Гете, Пушкина... Дорогой читатель, да стоитъ-ли послѣ этого стараться быть Пушкинымъ? Не проще-ли, не спокойнѣе-ли остаться авторомъ «Синей говядины» разъ все равно пишутъ о тебѣ совершенно такъ же, какъ и о Пушкинѣ?

⁂

Да, круто измѣнились времена! Когда я былъ молодъ, — а это было вовсе не такъ ужъ давно,-кому бы пришло въ голову напечатать въ газетахъ: «Левъ Толстой закончилъ новый романъ», а Бунинъ написалъ новое стихотвореніе» или помѣстить въ одномъ номерѣ журнала портретъ Достоевскаго, а въ другомъ — Ѳедота Кузькина и даже безъ всякаго поясненія, кто такой Кузькинъ? Восемнадцать лѣтъ я уже печатался въ «Недѣлѣ» и въ «Вѣстникѣ Европы», а межъ тѣмъ, придя въ гости къ харьковской писательницѣ Шабельской, чуть не умеръ отъ почтенія къ этой далеко не знаменитой старушкѣ. А писательница Лидія Алексѣевна Авилова разсказывала мнѣ, что она, придя въ первый разъ въ редакцію «Вѣстника Европы» къ Михаилу Матвѣевичу Стасюлевичу, такъ оробѣла, что совсѣмъ лишилась языка:

— Хочу сказать: Михаилъ Матвѣевичъ, а выходитъ — Матвѣй Михалычъ... Подъ конецъ такъ зарапортовалась, что брякнула: Матвѣй Стасюлевичъ, а попытавшись поправиться, бряжнула еще лучше: Стасюлей Михалычъ...

И замѣтьте, при этомъ, что Авилова была тогда уже не совсѣмъ новичекъ въ литературѣ, печаталась во многихъ толстыхъ журналахъ, хороша собой была чрезвычайно, одѣвалась чудесно, въ заработкѣ не нуждалась, происходила-же изъ настоящаго барскаго общества, гдѣ совсѣмъ не рѣдкость умѣніе владѣть собой и самоуваженіе...

Да, а вотъ теперь ничѣмъ не смущаются. Да и что-же имъ смущаться при такомъ вниманіи къ нимъ газетъ и журналовъ?

Одного имъ не достаетъ: вниманія публики. Недавно одинъ молодой поэтъ сказалъ мнѣ:

— Да вѣдь, въ сущности, теперь стиховъ никто не читаетъ, нами, въ сущности, никто не интересуется, насъ, въ сущности, никто не уважаетъ...

И я ему отвѣтилъ:

— Молодой другъ мой, а кто-же виноватъ въ этомъ? Поэты и вообще пишущіе дѣлали за послѣднія тридцать лѣтъ буквально все, что только возможно, чтобы отбить у публики всякое уваженіе и всякій (кромѣ скандальнаго) интересъ къ себѣ. Не пеняйте же на публику. И тѣмъ болѣе не пеняйте, что вы продолжаете дѣлать то, что дѣлали, при доброй помощи газетъ и журналовъ.

Ив. Бунинъ.

СОВѢТСКІЕ СТУДЕНТЫ

«Комсомольская Правда» вписываетъ нравы современныхъ совѣтскихъ студенческихъ общежитій. Въ общежитіяхъ процвѣтаетъ воровство, скандалы. Товарищескія отношенія совершенно отсутствуютъ. Каковъ этотъ звѣриный бытъ, явствуетъ изъ слѣдующихъ примѣровъ.

«Въ комнатѣ четверо. Двое хорошо занимаются, рано ложатся спать и рано встаютъ. Двое же другихъ занимаются мало, спятъ до часу дня. Приходятъ поздно ночью съ гулянокъ и дѣлятся впечатлѣніями. Разбуженные товарищи просятъ дать покой. По ихъ адресу летятъ обвиненія въ мѣщанствѣ, аскетизмѣ, стрывѣ отъ массъ и т. д., и такъ каждый день.

«Въ сосѣдней комнатѣ живутъ спортсмэны. Утромъ въ пять часовъ, когда сосѣди уснули, одинъ спортсменъ взялъ приготовленный для этой цѣли барабанъ, и, что есть силы, сталъ барабанить, а второй 20-тифунтовыми гирями сталъ бить сосѣдямъ въ стѣнку, приговаривая въ тактъ ногами. Поднялся такой невѣроятный гулъ, что не только сосѣди въ испугѣ заметались по комнатѣ, но проснулось почти все общежитіе.

«Общежитіе Вхутемаса. Студентъ Ивановъ хвалится: — Пять фунтовъ макаронъ могу за одинъ разъ съѣсть. — Не съѣшь. — Съѣмъ. — Пари на рубль. — Идетъ.

«Було (фамилія друга студента) оживленно соскакиваетъ съ кровати и начинаетъ одѣваться. Все пришло въ движеніе. Мигомъ составляется жюри изъ трехъ человѣкъ. Составили протоколъ. Принесенныя макароны, подъ наблюденіемъ жюри, были сварены и взвѣшены. Ивановъ, распустивъ поясъ, садится ѣсть. Вокругъ него усѣлось жюри съ часами въ рукахъ. Все замерло въ томительномъ ожиданіи. Сначала макароны быстро убавлялись, но скоро стало заметно, что челюсти Иванова двигаются все медленнѣе и медленнѣе. Ивановъ наѣлся, но съѣлъ только половину. Тогда начинаются поиски способовъ для возбужденія аппетита. Растегиваются брюки, но и это не помогаетъ. Ивановъ просится въ уборную. Его ведутъ члены жюри и съ часами ждутъ у двери. Придя изъ уборной, Ивановъ опять ѣстъ. Часы показываютъ 10 минутъ до срока Ивановъ торопится. Лицо начинаетъ краснѣть. Глаза съ каждой ложкой все больше и больше вылѣзаютъ изъ орбитъ. Наконецъ, показывается дно миски. Осталось пять минутъ. Черезъ три минуты раздаются возгласы радости и досады. Ивановъ съѣлъ всѣ пять фунтовъ макаронъ...»

Мы опускаемъ примѣры, неподдающіеся воспроизведенію въ «буржуазной» печати, но полагаемъ, что и этихъ сказанъ чѣмъ достаточно.

— Въ скоромъ времени начнется процессъ 80 лицъ, замѣшанныхъ въ послѣднемъ возстаніи въ Португаліи.

— Закончена электрификація желѣзной дороги между Инсбрукомъ и Куфнемъ на баварской границѣ.

БРАТЪ МУССОЛИНИ О БОРЬБѢ СЪ БОЛЬШЕВИЗМОМЪ

Въ газетѣ, основанной Муссолини, «Пополо д-Италія» (1 іюня), братъ итальянскаго правителя, Арнальдо Муссолини, помѣстилъ статью по поводу антибольшевицкой рѣчи американскаго посла М. Геррика, подъ крикливо-тенденціознымъ заголовкомъ «Плутократическій анти-большевизмъ».

А. Муссолини горделиво заявляетъ, что въ мірѣ существуетъ только одна нація, которая ранѣе другихъ сознала опасность большевизма и сумѣла его побороть. Это — нація итальянская, которая сумѣла побѣдить, благодаря Бенито Муссолини. Только теперь другія націи начинаютъ понимать, насколько права была Италія, сохраняя свой впечатлительный народъ отъ безумныхъ большевицкихъ теорій».

«Новый анти-большевицкій крестовый походъ, — пишетъ А. Муссолини, — оставляетъ въ насъ чувство недоумѣнія, такъ какъ въ немъ отсутствуетъ какой-либо конкретный планъ политическаго дѣйствія для ниспроверженія разрушительнаго большевизма... Демократически либеральный строй, по внутренней своей логикѣ, не можетъ вести борьбу до конца противъ коммунизма. Во имя демократической свободы, и коммунистамъ приходится предоставлять право бороться. Рѣчи Сарро лишены убѣдительности. Это рѣчи дилетанта, принимающаго рѣшительный тонъ». Чтобы преодолѣть большевизмъ, необходимо по итальянскому примѣру создать новый порядокъ и новое правосудіе», которые бы преодолѣли

Въ итогѣ А. Муссолини высказывается за безпощадную борьбу съ коммунизмомъ, но только внутри каждой страны. «Лучшій примѣръ тому дала Италія, которая, произведя въ своемъ домѣ антибольшевицкую дезинфекцію, могла безъ особыхъ затрудненій установить съ Совѣтской Россіей необходимыя отношенія экономическаго характера. Коммунизмъ окруженъ, — но окруженъ въ своей цитадели, которая является цѣлымъ міромъ, и неприступна». Поэтому Италія «изъ завоеванныхъ большевицкихъ окоповъ» можетъ спокойно смотрѣть на нынѣшній фазисъ борьбы между «плутократіей и царствомъ хаоса».

СНИЖЕНІЕ ЦѢНЪ ВЪ С. С. С. Р.

Какъ извѣстно, къ 1-му іюня должны были быть снижены цѣны на 10 проц. «Правда» отъ 1-го іюня, будучи законопослушной, торжественно заявляетъ, что въ среднемъ это пониженіе осуществлено. Разъ приказано, должно быть выполнено! Но тутъ же продолжаютъ печататься свѣдѣнія съ мѣстъ, свидѣтельствующія объ обратномъ. Такъ, корреспондентъ «Экономической Жизни», подводя итоги снижению цѣнъ въ Поволжьѣ, детально опровергаетъ всѣ оптимистическія сообщенія по этому предмету. Если, говоритъ онъ, судить по «среднимъ арифметическимъ» и другимъ даннымъ, которыми стараются блеснуть торговыя организаціи, то ничего нельзя желать лучшаго. Но при массовой провѣркѣ результаты получаются иные. Сниженіе касается спеціально неходовыхъ товаровъ, которыхъ часто какъ разъ нѣтъ въ магазинѣ. Сниженіе касается преимущественно несезонныхъ товаровъ. Наблюдается распространенное явленіе завоза именно несезонныхъ товаровъ. Того что нужно нѣтъ, а, напримѣръ, къ лѣту неизмѣнно приходятъ въ большихъ количествахъ партіи калошъ. Качество товаровъ рѣзко понизилось. «Наше первое льноправленіе, пишутъ, напримѣръ, изъ Ярославля, въ ухудшеніи качества продукціи не отстаетъ отъ другихъ организацій».

Какъ одна изъ причинъ дороговизны можетъ быть отмѣчена довольно своеобразная загруженность низового аппарата разными запросами, анкетами, въ частности и тѣми, которыя касаются и злободневной темы... снижения цѣнъ.

Обывательскій Пушкинъ

Ко «ДНЮ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Пушкинъ не мало ѣздилъ по Россіи. Слѣдствіемъ этихъ поѣздокъ было и то, между прочимъ, что многія имѣнія, помѣстья, усадьбы оказались связаны съ его именемъ, съ воспоминаніями о немъ. Воспоминанія передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе, обрастали легендами, ширились, путались, перевирались — и въ концѣ концовъ, помѣстій, гдѣ Пушкинъ былъ (и даже «любилъ бывать») стало едва ли не больше, чѣмъ тѣхъ, въ которыхъ онъ не бывалъ. Владѣльцамъ имѣній и всяческимъ «мѣстнымъ старожиламъ» какъ-то не приходило въ голову провѣрять достовѣрность преданій: потому ли, что «мы лѣнивы и нелюбопытны», потому ли, что не хотѣлось разстаться съ «возвышающимъ обманомъ»... Какъ бы то ни было, «любимыя» пушкинскіе озера, дубы (почему-то въ особенности дубы), скамьи, бесѣдки и прочее — оказались разсѣянными по всей Россіи. Судьба заносила ихъ даже въ такія губерніи, гдѣ Пушкинъ отродясь не бывалъ. Что же и говорить о губерніяхъ Псковской, Новгородской, Тверской? Онѣ въ свое время состояли исключительно изъ «любимыхъ» пушкинскихъ уголковъ и были усажены сплошь «пушкинскими» дубами.

Мнѣ самому въ 1905-1907 г. г. довелось жить въ одномъ такомъ имѣніи, съ «уголками» и съ креслами у камина. Находилось оно въ Новгородской губ., возлѣ Болотова, и называлось Лидино. Но было у него и другое, лишь въ бумагахъ сохранившееся названіе: Заимка. Подъ этимъ названіемъ принадлежало оно нѣкогда лицейскому товарищу Пушкина, Ѳ. Ѳ. Матюшкину, тому самому, о которомъ такъ хорошо говорится въ «19 октября 1825 г.». Былъ въ Лидинѣ домъ, обставленный старинной мебелью краснаго дерева, снятой Матюшкинымъ съ какого-то корабля. Былъ даже огромный буфетъ, въ которомъ посуда не ставилась, а особымъ образомъ подвѣшивалась — на случай качки. Само собой разумѣется, легенда гласила, что Пушкинъ «часто» гостилъ въ Лидинѣ у Матюшкина, особенно любилъ сидѣть вотъ тутъ, въ этомъ креслѣ, и т. д. Одна бѣда: имѣнье-то Матюшкину принадлежало, но не только Пушкинъ, а и самъ владѣлецъ почему-то никогда въ немъ не жилъ *).

Бывали случаи, когда событія, связанныя съ пребываніемъ Пушкина въ одномъ имѣніи, переносились преданіемъ на другое, въ которомъ Пушкинъ тоже бывалъ, но къ которому эти событія не относятся. Такъ, нынѣшніе обитатели Бернова (имѣнія И. И. Вульфа, въ Тверской губ.) показываютъ пріѣзжимъ не что иное, какъ знаменитыя три сосны, росшія нѣкогда верстахъ въ четырехстахъ оттуда, между Михайловскимъ и Тригорскимъ, и давно погибшія.

Легенда не была бы полна, если бы съ пребываніями Пушкина, съ его излюбленными сидѣніями подъ деревьями и даже на деревьяхъ, она не связывала преданій о непрестанномъ и неуемномъ писаніи стиховъ — въ особенности почему-то на стѣнахъ бесѣдокъ и на стволахъ деревьевъ. И тутъ тоже фантазія воспоминателей и описателей не считается ни съ чѣмъ. Вѣдь не кто-нибудь, а Н. В. Вергъ, побывавъ въ сельцѣ Захаровѣ, писалъ, между прочимъ: «Изъ рощицы мы пошли на берегъ пруда, гдѣ сохранилась еще огромная липа, около которой прежде была полукруглая скамейка. Говорятъ, что Пушкинъ часто сиживалъ на этой скамьѣ и любилъ тутъ играть. Прежде вокругъ липы стояло нѣсколько березъ, которыя, какъ говорятъ, были всѣ исписаны стихами Пушкина». Правда, Вергъ дважды оговаривается: «говорятъ». Но врядъ ли бы самъ онъ сталъ передавать эти разговоры, если бы сообразилъ, что Захарово было продано, когда Пушкину было десять лѣтъ и что послѣ продажи Пушкинъ лишь однажды туда заѣзжалъ на нѣсколько часовъ. Когда же успѣлъ онъ исписать березы — и правдоподобно ли это? Но всего лучше элегическое извѣстіе, сообщаемое тутъ же: «Маленькій Пушкинъ любилъ эту рощицу и даже, говорятъ, желалъ быть въ ней похороненъ».

Это писалось въ 1851 году, когда, впрочемъ, о Пушкинѣ знали мало. А вотъ что пишетъ въ 1927-мъ писатель г. Минцловъ объ одномъ имѣніи въ Псковской губерніи: «Здѣсь на камняхъ, подъ многовѣковымъ дубомъ, любилъ сиживать юный Пушкинъ; здѣсь онъ началъ писать своего «Руслана и Людмилу». «У лукоморья дубъ зеленый...» навѣяно поэту не моремъ, котораго онъ тогда еще не видалъ, а озеромъ Лубно».

Здѣсь что ни слово — то вздоръ. Мнѣ стыдно повторять такіе вздоры, но все-таки: 1) «Юный Пушкинъ» началъ «Руслана» еще въ Лицеѣ, куда поступилъ одиннадцати лѣтъ и откуда не выѣзжалъ до окончанія курса; 2) «У лукоморья», т. е. прологъ, написанъ не въ началѣ поэмы, а черезъ восемь лѣтъ послѣ ея окончанія, въ 1828 г., 3) ко времени писанія пролога Пушкинъ вполнѣ насмотрѣлся на море въ Крыму, а потомъ въ Одессѣ — Но г. Минцловъ не унимается: «Полна реликвій была и бесѣдка: на колоннахъ и стѣнахъ ея оставили свои автографы, стихотворенія и всякія записки тотъ же Пушкинъ, Баратынскій, Лермонтовъ»... Признаюсь: послѣ «лукоморья» и въ бесѣдку не вѣрится. *)

⁂

Разсказни о любимыхъ скамьяхъ и стремительномъ стихописательствѣ Пушкина, стихописательствѣ глубоко нецѣломудренномъ, чтобы не сказать — безвкусномъ и показномъ, покоятся на обывательскомъ представленіи о поэтѣ вообще и о Пушкинѣ въ частности. Замѣчательно, что въ подавляющемъ большинствѣ онѣ исходятъ либо отъ лицъ, никогда не видавшихъ Пушкина, либо отъ лицъ, отнюдь не принадлежавшихъ къ числу его близкихъ. Ниже я поясню зачѣмъ заговорилъ я объ этихъ разсказняхъ, а сейчасъ приведу нѣсколько, такъ называемыхъ, свидѣтельствъ современниковъ. Они характерны, какъ образцы.

*) Судьба лидинской мебели прератна. Она была перевезена въ Петербургъ, и въ 1918-1919 г. г., за отъѣздомъ владѣльцевъ, ея фактическимъ обладателемъ былъ Гумилевъ. Потомъ ее разворовали.

*) Историческія писанія г. Минцлова бываютъ забавны. Такъ, въ книгѣ «Прошлое» (Софія, 1926, стр. 16) онъ сообщаетъ о «незаконной дочери Карамзина и поэтессы графини Ростопчиной». Довольно сказать, что когда Карамзинъ умеръ, Ростопчиной было 14 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ. Карамзинъ — въ роли растлителя малолѣтнихъ! Ростопчина, рожающая въ четырнадцать лѣтъ! Неизвѣстно, что остроумнѣе.

Сынъ пушкинскаго пріятеля Никиты Всеволожскаго, разсказываетъ, что у Всеволожскаго «былъ старый дядька-камердинеръ, очень преданный, но чрезвычайно упрямый. Онъ слышалъ, какъ Ал. С-чъ жаловался при немъ на одного издателя, требующаго окончанія одной поэмы, за которую Пушкинъ уже получилъ деньги впередъ. Однажды А. С-чъ зашелъ утромъ къ Никитѣ Всеволодовичу, но послѣдній былъ гдѣ-то на охотѣ. Старикъ дядька воспользовался случаемъ и сталъ приставать къ Пушкину, что онъ долженъ поэму кончить, такъ какъ онъ за нее деньги получилъ. Пушкинъ его обругалъ и объявилъ, что никогда эту поэму не кончитъ. Упрямый старикъ, нисколько не смущаясь, заперъ Пушкина на ключъ въ кабинетѣ Никиты В-ча. Что ни дѣлалъ раздосадованный Пушкинъ, но старикъ дядька, стоя за дверьми, повторялъ все одно и то же: «Пишите, А. С-чъ, ваши стишки, а я не пущу, какъ хотите, должны писать и пишите». Пушкинъ, видя, что до возвращенія Никиты В-ча, т. е. до вечера, дядька его не выпуститъ, сѣлъ за письменный столъ и до того увлекся, что писалъ до слѣдующаго дня, отгоняя уже и дядьку и самого Н. В-ча. Такимъ образомъ, Пушкинъ окончилъ одну изъ своихъ поэмъ». — Вся эта несуразица основана на томъ, что Пушкинъ передъ ссылкой проигралъ Всеволожскому рукопись своихъ мелкихъ стихотвореній, оцѣнивъ ее въ 1.000 рублей. Впослѣдствіи, когда Пушкинъ выкупалъ рукопись, Всеволожскій не хотѣлъ взять за нее болѣе пятисотъ. И вотъ во что все это превратилось!

Разсказъ второй. Въ 1833 г., будучи въ Оренбургѣ, Пушкинъ пошелъ въ баню съ директоромъ кадетскаго корпуса Артюховымъ и нѣкіимъ кадетомъ Н. П. Ивановымъ. Ивановъ позднѣе описалъ это хожденіе въ баню со многими пошлостями. По разсказу его, Артюховъ, между прочимъ, замѣтилъ Пушкину, что, вѣроятно, дороги въ тамошнихъ мѣстахъ плохи. На это Пушкинъ, разсмѣется, тотчасъ отвѣтилъ стихами:

А дороги ваши — садъ для гнѣзъ,
Повсюду лѣсъ, канавы,
Работы было много, много славы,
Да жаль проѣзду нѣтъ, подчасъ.
Отъ деревьевъ, на часахъ стоящихъ,
Проѣзжимъ мало барыша.
Дорога, скажутъ, хороша,
Но я скажу: для проходящихъ!

Далѣе Ивановъ разсказываетъ: «Отъ этой правды, такъ вѣрно и скоро выраженной имъ въ стихахъ, всѣ какъ бы остолбенѣли. Хозяинъ разсмѣялся, подалъ мнѣ карандашъ и велѣлъ записать на стѣнѣ. А. С. поправилъ мои знаки, и на другой день стихи были вдѣланы въ раму подъ стекло».

Итакъ, выходитъ, что приведенная безграмотная пошлость — стихотвореніе Пушкина, къ тому же имъ самимъ проредактированное. Въ дѣйствительности, это стихи Вяземскаго, въ которыхъ Ивановъ не перевралъ только двѣ строчки и которые Пушкинъ вполнѣ могъ пропитировать, но, разумѣется, не выдавалъ за свои. Ивановъ, повидимому, въ банѣ съ Пушкинымъ не былъ и разсказывалъ по наслышкѣ.

Подобныхъ «исторій» можно привести очень много. Я выбралъ характернѣйшія и не требующія особенно сложныхъ поясненій для того, чтобы понять ихъ нелѣпость. Онѣ начали возникать еще при жизни Пушкина. 11 октября 1833 г. онъ писалъ женѣ изъ Болдина: «Знаешь ли, что обо мнѣ говорятъ въ сосѣднихъ Гу-